

ФАНТАСМАГОРИЯ

Эльза Лисовец

СЕКТОР PSI-7

Эльза Лисовец

Сектор PSI-7

«Автор»

2026

Лисовец Э.

Сектор PSI-7 / Э. Лисовец — «Автор», 2026

Вы думаете, ваш тяжелый понедельник — это просто плохой день? Ошибаетесь. Это КРІ. Алена Воронцева не спасает мир — она оказывает ему услуги по депривации счастья на аутсорсе. Вместе со своей командой — бывшим каторжником Родионом, философствующей гусеницей Торчиллой и котом-аудитором — она владеет ООО «Тлен и Ко». Их бизнес-модель проста: если у соседа внезапно зацвел фикус и он начал улыбаться без причины, значит, пора вызывать спецназ мизантропии. Абсурд побеждается только еще большим, структурированным абсурдом. Цинизм, черный юмор и правильно оформленные документы способны остановить апокалипсис эффективнее любой магии, если вовремя включить счетчик за оказанные услуги.

© Лисовец Э., 2026

© Автор, 2026

Эльза Лисовец

Сектор PSI-7

Эльза Лисовец
Сектор PSI-7.

Алена по природе своей девочкой была любопытной, такая, знаете, девчонка-егоза. Росла и расцветала она до семнадцати годов в режиме «плотный режим дня, кружок макраме, борщ для бабушки». А после семнадцати дивчину, как говорится, понесло во все тяжкие. Начнем всё по порядку, всему свое время, каждому, как говорится, свое, а некоторым — еще и принудительная терапия.

В то самое утро, когда произошла эта удивительная история, ничто не предвещало ничего экстремального. Барометр висел на отметке «ясно», кукушка в кухонных часах страдала похмельем и отказывалась куковать, прогноз МЧС обещал лишь слабый порывистый экзистенциальный кризис.

Алена вышла, как обычно, в сад. Она блукала по саду с утра и до позднего вечера, как самый настоящий спецназовец из подразделения «Ромашка», не боясь ни снега, ни зноя, ни проливного дождя, даже грязи не боялась — сапоги ей резиновые, цвета детской неожиданности, были в помощь. При жизни про нее можно было сказать так: «Наглухо ударенная пыльным мешком из-за угла мироздания, мизантропия — как жизненная философия. Любителям сложностей, мазохистам и желающим испытать свои силы в моральной устойчивости — милости прошу, касса работает круглосуточно».

Присев, как обычно, под деревом дуба, подумать, так сказать, о своем, о девичьем (в основном думы сводились к тому, почему люди не ходят боком, это же эргономичнее), задумалась. Ее девичьи думы прервал перкальный кролик, внезапно выскочивший из кустов крыжовника. Кролик был одет в жилетку из лопуха, нервно теребил карманные часы на цепочке из одуванчиков и бормотал себе под нос:

— У меня дедлайн! Меня депремируют! Я опаздываю на ежеквартальный отчет перед Великой Матерью-Природой!

Вот что нам стало известно из личного дела кролика, которое он случайно обронил при прыжке: «Характер — нордический, выдержанный, осложненный обсессивно-компульсивным расстройством. С товарищами по природе поддерживает хорошие отношения исключительно в рабочие часы с перерывом на обед. Безукоризненно выполняет свой природный долг (два раза в день, по расписанию). Беспощаден к любым врагам грамматики и пунктуации. Отличный спортсмен: чемпион мира по теннису (с самим собой), бегу от ответственности, прыжкам в длину (кредита) и глубину (проблем), а также 34 прыжка с парашютом в беспросветную даль депрессии. Холост, в связях, порочащих его вегетарианскую репутацию, замечен не был, хотя бобры намекали. Отмечен наградами «Почетный грызун», значком ГТО (Готов Тырить Огурцы) и двумя почетными грамотами за своевременную линьку».

— Куда это он ломанулся? — пробормотала Алена, поправляя резиновую портупею. — Догоню кролика в два счета, мне только кардио добрать надо, фитнес-браслет недоволен моей дневной активностью, — решила Алена.

Постоянная физическая подготовка этому как раз способствовала, да и адреналин от мысли, что сейчас придется общаться, отлично разгонял кровь.

Наш зануда, юркнув в кроличью нору, которая подозрительно пахла озоном и просроченным йогуртом, а за ним и Алена, оказавшись в «Психоделической стране». Аж дух захватывающее зрение от этой красоты, как в той песне группы «Синяя птица»

— «Так вот какая ты, клиническая картина острого отравления спорыньей». Всё сияло и переливалось, блестело и искрилось, формы всего и вся поражали и завораживали болезненное воображение. Деревья росли корнями вверх и играли джаз на виолончелях. Облака имели форму неоплаченных счетов.

В центре всего этого великолепия, на гигантском мухоморе, шмалила кальян зеленая гусеница. Гусеница Торчилла, обладательница шести пар солнцезащитных очков, надетых друг на друга, не сразу заметила нашу Алису. После третьего плотного дымного кумара как она ее смогла заметить вообще — сквозь слои пара, собственной меланхолии и астигматизма — до сих пор остается загадкой медицинской академии Психоделической страны.

— Ты кто такой, глюк анимированный? — лениво выпустив идеальное кольцо дыма в форме знака бесконечности, поинтересовалась гусеница.

— Я Алена-Спецназ, логика и легкая форма бытовой агрессии, — отрезала девушка. — Руки показала, быстро. И паспорт гони.

— Мы тут личности не по паспорту идентифицируем, а по вибрации чакр, — протянула Торчилла. — Но если тебе так проще, запиши мой ИНН. Он равен числу Пи.

— Некогда мне твои флюиды считать. Дедлайн горит, — встрял кролик, пытаясь открутить гусенице голову, чтобы та перестала задерживать важную делегацию.

Прихватив с собой кальян (Кролик настоял: «Это вещдок!») и гусеницу в придачу (она отказалась слезать, заявив, что у нее здесь зона комфорта), вся эта компания под громкие улюлюканья, свист местных светящихся грибов и танцы агрессивных лютиков отправилась к Чокнутому шляпнику в гости. По пути они подобрали грустного деревянного рыцаря, сидевшего на комод и пытавшегося починить сломавшееся чувство собственного достоинства изолентой.

Прибывших, в отличие от убывших (которых обычно просто списывали как инвентаризационную потерю), встречают у шляпника праздничным банкетом. Стол ломился. Вилки танцевали кадрили с ножами.

— «За чей счет весь этот банкет?» — первой включила аудитора Алена. Мизантропия требовала найти подвох. — «Кто платить, я вас спрашиваю, будет?»

— Платят всегда лузеры, которые ищут подвох! — воскликнул кролик, узнав, что всё это халява, оплаченная из гранта Министерства Чудес. Вся компания заметно повеселела. Обилие напитков угощающего повергало в немой восторг, доселе таких дивных названий слышать не приходилось. Меню, написанное светящимися чернилами на чешуе спящей ящерицы, гласило:

Не в каждом месте вам могут предложить подобную бурделлу: «Коктейль пруха» (на вкус как пятница вечером),

«Промежуточный коктейль бодрости» (после него хочется мыть полы зубами),

«Перманентный коктейль с доп. функцией, вишенка — щекотка» (требует подписания соглашения о неразглашении своих мыслей), «Скучная текила» (просто стакан теплой воды, вызывает острую тоску по офису) и еще около десятка подобных названий.

А на закуску — полиморфная субстанция осинового коры. Казалось бы, от такого изобилия должны были потечь слюни, но навернулись почему-то слезы. Субстанция имела вкус первого разочарования в любви и хрустела на зубах, как разбитые надежды.

Веселый шляпник, который, по словам очевидцев, целыми днями чаевничал, но, по факту, чувствую, закладывал за воротник, откуда он мог бы от простой заварки всё время находиться в приподнятом настроении.

— Мальчишки, мамой клянусь, он гнал первач! — доверительно сообщила Алене, Синяя Гусеница, икнув двойным смыслом. — И в заварочном чайнике смешивал в пропорции четыре к одному. Четыре части сахара на одну часть чего-то, что однажды пыталось съесть мою третью пару лапок.

— Это экстракт чистого энтузиазма! — возмутился Шляпник, поправляя цилиндр, съехавший ему на нос вместе с правым ухом. — Лучший урожай восемьдесят пятого года, собирал лично на пике абсурда! Будешь?

— Мне минералки без газа, у меня завтра встреча с реальностью, нужно быть в форме, — сухо ответила Алена.

— Реальность переоценена, — фыркнул Шляпник, протягивая ей чашку, дымящуюся жидким сарказмом. — Там вечно холодно и просят вернуть долги.

За столом шляпника, как обычно, пасся Чешуйчатый кот. Ему как-то по пьяни пообещали переписать всё свое имущество вместе с домом в пользу кошачьего приюта, пока он демонстрировал свою пушистую филантропию. Теперь он терпеливо ждал вступления завещания в законную силу и ел. Ел он не еду, а пространство вокруг тарелки, отчего еда казалась парящей в воздухе.

— Какое отвратительное место, — констатировала Алена, глядя, как вилка пытается совершить харакири. — Ни одного нормального человека. Даже поговорить не с кем о падении индекса Доу-Джонса.

— О, человек биржи! — оживился Кролик, вытаскивая из жилетки кипу бумаг. — У меня тут фьючерсы на морковные фьючерсы! Нужно застраховать риск непогоды! Выглядит как идеальный шторм ликвидности!

— Заткнитесь оба, — мурлыкнул Кот, проявляясь в пространстве только пастью. — Вы блокируете мне карму своим фоном. Из-за вас моя очередь в кошачий рай может сдвинуться на три вечности.

— А где тут выход? — спросила Алена, понимая, что доза психоделика превысила предельно допустимую концентрацию здравого смысла. — Мне нужен портал обратно. У меня там стиральная машина на отжиме осталась.

— Выход там же, где и вход, — философски заметил Шляпник, разливая по новой. — То есть нигде. Расслабься и попробуй «Щекотку». Говорят, она заставляет смеяться забытыми воспоминаниями из прошлой жизни. Кстати, в твоей прошлой жизни ты была тем самым дубом, под которым любишь сидеть.

— Тогда неудивительно, что у меня корни болят, — вздохнула Алена, принимая чашку. — Ладно. Наливай. Но если я превращусь в тыкву или начну цитировать Кафку — отвечать будешь ты. И вернешь деньги за химчистку сапог.

Продолжение, может быть, последует, может, нет, кто его там знает. Бред он такой непредсказуемый, особенно когда заканчивается действие первичной заварки и начинается отходняк от реальности...

Глава вторая, в которой бухгалтерия сходит с ума, а здравый смысл подает заявление об увольнении по собственному желанию.

Первым делом Алену попытались трудоустроить. В Психоделической стране царила жесточайшая безработица среди неодушевленных предметов, и каждый гость обязан был отработать свой банкет.

— Будешь младшим менеджером по синхронизации реальностей? — Шляпник подсунул ей стопку бланков. — График гибкий: понедельник, четверг и четвертое измерение. Соцпакет включает бесплатную фрустрацию.

— У меня лапки, — на автомате ответила Алена фразой из своей прошлой жизни-дуба. — И вообще, я мизантропка. Мне нельзя нервничать, у меня справка от участкового терапевта есть. Где тут выход, я спрашиваю?

— Выход — это деструктивный инфантилизм! — строго сказал Кролик, выныривая из-под стола. Он успел переодеться в костюм налогового инспектора (жилетка стала чуть темнее, а взгляд приобрел стальной блеск аудитора).

— Гражданка Алена! Вы незаконно пересекли границу Психоделической страны без визы, ввезли контрабандный кальян объемом более 0,5 литра чистого абсурда и уклонились от уплаты налога на веселье. Предъявите извилины для замера IQ!

— Я отказываюсь свидетельствовать против своего вестибулярного аппарата, — парировала Алена. — Пятьдесят первая статья Конституции Психоделии. Ведите меня к адвокату. Желательно к тому Чешуйчатому коту, он хотя бы ест пространство, а не мой мозг.

Кот, услышав свою фамилию, проявился целиком, но только до пояса. Нижняя часть его тела все еще оформляла ипотеку в кошачьем раю.

— Я беру сто золотых улыбок в час, плюс компенсация за моральный износ когтей, — мурлыкнул он. — И предоплата полевым мышами. Но дело тухлое. У Шляпника крыша течет прямо в протоколы допроса. Судья — Соня, она засыпает на слове «истец». Присяжные — игральные карты, они всегда ходят под туза. Мой тебе совет как юристу: притворись местной флорой. Стой, молчи, качай хлорофилл.

Внезапно раздался звук, похожий на скрежет пенопласта по стеклу, смешанный с гимном Советского Союза, сыгранным на расстроенном казу. Пространство пошло вертикальными полосами.

— Серая Королева! — пискнула Гусеница Торчила, судорожно пытаясь впихнуть остатки кальяна себе под панцирь. — Инвентаризация! Девочки, быстро прячьте печень!

Двери банкетного зала распахнулись, хотя дверей там сроду не было — проемы просто возникали по необходимости. На пороге материализовалась фигура в строгом сером плаще-халате. Лицо Королевы напоминало сжатый файл JPEG низкого разрешения. В руках она держала планшет, светящийся холодным бюрократическим светом.

— Так-так-так, — сказала она голосом просроченного уведомления из Госуслуг. — Объект «Алена», идентификатор души временно отсутствует, налоговая нагрузка на реальность превышена на сорок два процента. Почему чайная роза в саду утверждает, что вчера вы назвали ее «бабой Валеи» и просили занять до зарплаты? Это клевета на растительный мир. Штраф.

— Она сама попросила! — возмутилась Алена. — У нее листья желтели, я пыталась оказать первую психологическую помощь!

— Неуместная эмпатия к флоре карается принудительным прослушиванием аудиокнижки «Капитал», — отрезала Королева, делая пометку. — Далее. Задолженность перед министерством Чудес. Банкет, который вы сочли халявой, оплачивается бартером. Мы заберем вашу способность скучать. Вам она все равно не нужна, судя по анамнезу.

— Эй, это расизм! — подал голос Кролик. — Мои фьючерсы! Если вы заберете ее скуку, мои морковные облигации рухнут! Скучные люди — фундамент моей финансовой пирамиды!

— Молчать, пушистый дефолт, — Королева перевела холодный взгляд на Шляпника. — А ты, Берти? Опять гонят экстракт энтузиазма в промышленных масштабах? Где акцизные марки? Почему у твоего чая плотность черной дыры?

— Это органика! Эко-продукт! — залебезил Шляпник, пряча заварочный чайник за спину. — Для поднятия боевого духа населения! Духа нет, зато какой подъем!

— Конфискую как орудие массового поражения логики, — Королева щелкнула пальцами, и чайник исчез в складках ее плаща.

Она подошла к столу и взяла со скатерти «Скучную текилу».

— Вот правильный напиток для этой реальности, — пробормотала она, пригнувшись к стакану с теплой водой. — Верните девочку в исходное состояние. У нее через три часа сессия с психотерапевтом в реальном мире, он ждет интересного клинического случая для своей монографии. Нельзя обманывать ожидания науки.

— Нет-нет-нет! — закричала Гусеница. — Только не депортация! У нее такой богатый внутренний бред, нам его исследовать еще лет двести! Без нее моя философия бессмысленна!

— Философия гусеницы на грибке бессмысленна по определению, — Королева достала из воздуха огромный резиновый штемпель. — Приступайте к обратной перемотке.

Шляпник, лишенный своего зелья, внезапно протрезвел и погрузился. Его цилиндр осел, превратившись в обычную мятую шляпу.

— Рад был знакомству, деточка, — вздохнул он, глядя мутными глазами. — Передавай привет своему дубу. Скажи, пусть корни не выпирают, споткнусь же когда-нибудь.

— Я требую политического убежища! — Алена схватила со стола «Перманентный коктейль бодрости» и залпом опрокинула его в себя. — Вишенка, щекочи!

Мир взорвался красками во второй раз, но теперь это была не красота, а тяжелая артиллерия нейросети. Полиморфная субстанция коры вступила в реакцию с «Бодротью». Желудок попытался сложиться в оригами-журавлика. Сознание Алены разделилось на две фракции: одна хотела немедленно внедрить в Психоделической стране систему ERP-планирования и тайм-менеджмент, вторая желала танцевать макарену с деревянным рыцарем на потолке.

— Остановите ее, она сейчас оптимизирует Хаос! — заверещала Королева. — Если она построит здесь диаграмму Ганта, Вселенная схлопнется!

Чешуйчатый кот, почуяв запах паленой логики, начал стремительно таять, оставляя после себя только ухмылку и дым:

— Знаете, почему кошки правят миром? Потому что мы умеем вовремя исчезать. Бывай, налоговый вычет. Котик передает привет налоговой инспекции!

Пространство начало сворачиваться обратно в узкую трубу кроличьей норы. Последнее, что увидела Алена, была Серая Королева. Та сняла свое бесстрастное лицо, как маску, и под ним оказалась усталая тетка в роговых очках, которая устало крикнула ей вслед:

— И чтобы завтра же резюме мне на стол легло! Дворником пойдешь, улицы мести! Порядок должен быть везде!

Алена чихнула так, что с дуба посыпалась прошлогодняя листва. Резиновые сапоги неприятно хлопнули. Во рту стоял вкус мокрого картона, дешевого табака и разбитых надежд. Под веками пульсировали геометрические фигуры. Рядом валялся пустой стаканчик из-под кофе навынос, на котором кривым маркером было дописано: «Торчилла одобряет. P.S. Твой терапевт — шарлатан».

— Девушка, вы в порядке? — над ней нависло обеспокоенное лицо садовника Михалыча. — Лежите тут полчаса в грязи, глаз стеклянный, руками лозу невидимую ловите. Я уж думал, белая горячка пришла, ан нет, молодежь развлекается. На вот, хлебни рассола, полегчает.

— Отвали, дед, — слабым голосом ответила Алена, принимая банку. — У меня международный скандал сорвался. И карьеру в королевской налоговой зарубили. Из-за тебя, кстати. Ходишь тут, топчешь астральный план своими галошами.

— Ну-ну, — усмехнулся Михалыч, опираясь на лопату. — Ты эта... если увидишь где свободную кассу или вакансию грузчика, свистни. А то инфляция такая, что даже глюки нынче дорогие пошли.

Он ушел, оставив Алену наедине с похмельем иного порядка. Она посмотрела на свои руки. Они были подозрительно материальными.

— Спецназ не сдастся, — прохрипела она, поднимаясь на ноги. — Ладно, реальный мир. Попробуй удиви меня. Устроим тебе стресс-тест на выживаемость. Главное — не заходить сегодня в отдел кадров. Там сидят сплошные Серые Королевы.

А дома, в старой стиральной машине, на режиме «Отжим при 1200 оборотах», тихо позвякивая о стекло барабана, крутились пять фарфоровых чашек. Одна из них была идеально

чистой внутри и имела форму кошачьей головы. Продолжение следует... наверное. Абсурду тоже нужен оплачиваемый отпуск.

Глава третья, в которой бюрократия проникает в водопровод, а мизантропия становится государственной религией.

Понедельник встретил Алену не будильником, а повесткой. Настоящей, бумажной, пахнущей казенными чернилами и безысходностью. Ее втиснули в дверную ручку квартиры вместе с рекламой пиццерии.

«Гражданке Алене Воронцевой. Явиться в Управление по контролю за ментальным импортом (УКМИ). Кабинет 304 (четвертое измерение из прошлого понедельника отменяется, у них ремонт). Основание: несанкционированный ввоз полиморфной субстанции коры в кровоток».

— Суки, — констатировала Алена, понимая, что Серая Королева слов на ветер не бросает. — Сначала банкет за счет заведения, потом налоговая проверка, теперь принудительные работы. Психотерапия накрылась медным тазом.

Терапевт, кстати, действительно оказался шарлатаном. Когда вчера вечером Алена попыталась описать ему гусеницу-идеолога и коктейль со щекоткой, доктор поправил очки, медленно снял их, протер краем водолазки и очень тихо спросил:

— Деточка, ты грибы ела? Только честно. Я никому не скажу, мне для диссертации надо.

— Это был кальян! — возмутилась Алена. — И я была дубом!

— Диагноз ясен: острая дендрофилия на фоне интоксикации, — вздохнул врач, строча рецепт на тяжелые транквилизаторы. — Держи. Будешь как овощ. Тебе не привыкать.

Но вернемся в утро понедельника. Решив, что лучшая защита — это нападение через хамство, Алена надела свои лучшие резиновые сапоги цвета «вырви-глаз», кожаную куртку и отправилась в УКМИ. Здание управления находилось в промзоне и снаружи напоминало бетонный гроб, который кто-то пытался проглотить, но подавился.

Внутри царила она. Бюрократия. Но не та, привычная земная, с сонными тетками в окошках. Нет, здесь бюрократия эволюционировала. Очередь состояла из полупрозрачных людей, чьи лица заменяли штрихкоды. Воздух пах озоном и свежими протоколами. За стойкой регистрации сидела Соня — та самая, что спала на суде Шляпника. Здесь она работала оператором ЭВМ. Она храпела прямо в микрофон, отчего из динамиков разносилось ровное шипение белого шума.

Алена пнула стойку.

— Эй, интерфейс! Мне в триста четвертый.

Соня дернулась, приоткрыла один глаз. Глаз был похож на старую матрицу монитора.

— Талончик... ик... Б-128... возьмите...

Из щели выпал талон. На нем было написано: «Ваше ожидание составит примерно три вечности или одну чашку "Скучной текилы". Не скучайте».

Ожидание проходило под аккомпанемент капающей с потолка воды. Капли падали в такт секундной стрелке невидимых часов: Кап. Отчетность. Кап. Депривация сна. Кап. Выговор.

Когда Алена уже готова была отрастить корни прямо сквозь линолеум, ее вызвали.

Кабинет 304 выглядел как серверная, скрепленная с камерой пыток. Вместо люстры висел огромный бюст Аристотеля, внутри которого мерцали лампочки. За столом, спиной к окну (за окном вместо неба транслировали графики падения индекса счастья), сидела Серая Королева. Теперь на ней был строгий брючный костюм, а лицо имело разрешение Full HD.

— Садитесь, Воронцева, — она указала на стул. Стул тут же вырос под ней, больно врезавшись ножками в ахилловы сухожилия. — Рапорт о вашем поведении в секторе Пси-7 состав-

лен блестяще. Особенно часть про попытку оптимизации Хаоса диаграммой Ганта. Отдел планирования рыдал всем составом.

— Стараюсь, — буркнула Алена. — У меня врожденный талант портить людям праздник. Дар свыше.

— Дар свыше мы сейчас секвестрируем, — Королева открыла папку. — Согласно статье «Бытие, пункт 404», вы подлежите депортации обратно в свою черепную коробку навсегда. Но есть нюанс.

— Какая-нибудь гадость? — оживилась Алена. Мизантропия требовала подвоха.

— Хуже. Социально значимый проект. Нам нужен кризис-менеджер. Ваша реальность, сектор «Планета Земля, Восточная Европа, РФ», трещит по швам. Уровень бытового абсурда превысил норму на триста процентов. Люди начали всерьез верить гороскопам, чиновники заговорили стихами, а курс валют теперь зависит от фазы луны и настроения уборщицы в Центробанке. Логика умирает. Мы теряем рынок.

— И?

— И нам нужен санитар леса. Кто-то должен ходить там внизу и бить людей пыльным мешком здравого смысла. Возвращать гравитацию обидам, заземлять чужой пафос и штрафовать за необоснованный оптимизм. Вы идеально подходите. Профайл идеален: цинизм, недоверие к ближнему, любовь к грязи и спецназовская выносливость.

— То есть я должна стать экзорцистом для идиотов? — уточнила Алена.

— Официально твоя должность будет называться «Специалист по гармонизации когнитивного диссонанса населения», — кивнула Королева. — Трудовой договор стандартный. Оклад — валюта твоего мира плюс соцпакет. Раз в месяц — оплачиваемый спуск в кроличью нору за расходниками. Кальян выдадим казенный, Торчилла лично смешивает табак.

Алена задумчиво почесала нос. Перспектива иметь легальное право хамить незнакомцам за деньги звучала заманчиво. Очень заманчиво.

— Одно условие, — сказала она.

— Валяй.

— Никаких деревянных рыцарей. Меня бесят эти латентные мазохисты с комодами. И Чешуйчатого кота видеть не могу, он вечно трется о ноги и ждет наследства.

— По рукам, — Королева щелкнула пальцами.

Перед Аленой материализовался свиток пергамента, исписанный мелким шрифтом. Подпись кровью предлагалось заменить отпечатком большого пальца, смоченным в «Скучной текиле».

— Кровь кончилась, — пояснила Королева. — Поставщики опять подсунули разбавленную, из канцелярских вампиров.

Как только палец коснулся бумаги, мир моргнул.

Она стояла посреди улицы родного города. Рядом тормознула патрульная машина ДПС.

— Девушка, вы чего посреди дороги стоите? Права и документы на личность предъявите.

Инспектор заглянул ей в глаза и осекся. Обычно после такого взгляда люди либо плакали, либо признавались во всех кражах кур с 1998 года. Инспектор вдруг выпрямился, отдал честь пустому месту и строго сказал своему напарнику:

— Ерунда какая-то в голову лезет. Поехали, Серега. ПДД — это социальный конструкт, а мы люди служивые.

Они уехали.

Алена посмотрела на свои руки. На среднем пальце красовалось кольцо-печатка из непонятного металла. Если нажать на него сбоку, в воздухе перед лицом всплывала голографическая иконка: «Приложение "Антиабсурд v.1.0". Доступный баланс сарказма: 9999 единиц».

Первым делом она зашла в супермаркет. У полки с энергетиками стоял мужчина в дорогом костюме и громко разговаривал по телефону, используя продавца овощей как громоотвод для своего эго.

— Да плевать я хотел на ваши КРП! — орал он, тыча пальцем в помидор. — Ты вообще понимаешь, с кем говоришь?! Я альфа-самец этого квартала!

Алена подошла сзади. Нажала на кольцо. Из печатки вылетело облачко серой пыли.

Мужчина замер. Помидор в его руке внезапно показался ему просто очень кислым куском биомассы. Он посмотрел на продавца. Тот смотрел на него усталыми глазами человека, познавшего дзен еще при Брежнев.

— Простите, — тихо сказал бизнесмен. — У вас сдачи с тысячи не будет? И пакет нужен. Жизнь — боль, пакеты — лишний пластик. Что-то мне нехорошо. Пойду домой писать грустные стихи.

Алена удовлетворенно хмыкнула. Баланс сарказма уменьшился на десять единиц.

— Ну привет, реальный мир, — прошептала она, выходя на улицу под моросящий дождь. — Я ваш новый участковый терапевт. Приемные часы — всегда. Ожидайте массовых ремиссий адекватности.

Дома, в старой стиральной машине, на режиме «Отжим при 1200 оборотах», все так же звенели фарфоровые чашки. Одна из них, кошачья, тихонько мякнула, когда Алена проходила мимо кухни. Кажется, инвентаризация движимого имущества только начиналась.

Глава четвертая, в которой ЖКХ объявляет войну энтропии, а коты начинают платить по счетам.

Первым делом Алена решила легализоваться. Работать «санитаром леса» без трудового договора с местной администрацией было чревато принудительным лечением в клинике неврозов имени Кащенко.

Она пришла в районную управу ровно к открытию. Очередь из бабушек, обсуждающих геополитику на уровне дворовой песочницы и тарифы на капремонт, расступилась сама собой. От Алены исходила такая густая, осязаемая волна холодного презрения, что у пенсионерки Антонины Павловны внезапно прошел остеохондроз, а активист Николай Егорович впервые за сорок лет усомнился в подлинности новостей из телевизора.

— Мне к главе управы, — бросила Алена секретарше. — По вопросу импортозамещения идиотизма.

Секретарша, женщина выдавшая виды (она лично хоронила советскую власть, перестройку и три версии Windows), икнула, перекрестилась и молча указала на дубовую дверь.

Глава управы Петр Игнатьевич пил чай с баранками. Увидев гостью, он поперхнулся.

— Вы кто, милочка? Из прокуратуры? На вас сапоги... они нарушают технику цветовой безопасности офиса.

— Я ваш новый внештатный специалист по ментальной дезинфекции, — Алена положила на стол удостоверение, выданное Серой Королевой. В графе «должность» каллиграфическим почерком было выведено: «Каратель здравого смысла». Печать светилась ультрафиолетом и пахла озоном. — У вас тут бардак, Петр Игнатьевич. Индекс бытового маразма зашкаливает. Крысы в подвале начали строить социализм и требовать восьмичасовой рабочий день, а трубы во втором подъезде плачут от экзистенциальной тоски, поэтому их прорывает раз в неделю строго по вторникам.

— Это возмутительно! — пискнул глава управы, чувствуя, как его желание откатить ремонт парковки исчезает. — У нас все по смете!

— Ваша смета написана слезами уволенной логики, — отрезала Алена. — С сегодняшнего дня вводятся новые правила. Первое: жалобы принимаются только в письменном виде,

заверенные собственной кровью и справкой о дееспособности. Второе: любой чиновник, произнесший фразу «мы работаем над этим вопросом», обязан немедленно решить этот вопрос силой мысли или прыгнуть в окно. Вопросы?

Петр Игнатьевич посмотрел в окно. Третий этаж. Он сглотнул.

— Никак нет. Разрешите приступить к самокопанию?

— Приступайте. И да, вызовите сантехника. Трубы нужно не чинить, им нужна психотерапия. Пусть плеснет в подвал немного «Скучной текилы».

Выйдя из управы, Алена почувствовала вибрацию кольца-печатки. Баланс сарказма пополнился на пятьсот единиц — бюрократия районного масштаба оказалась отличным топливом. Пришло уведомление:

«Объект: Котик (Чешуйчатый).

Статус: депортирован.

Местоположение: ваша квартира, холодильник.

Причина: нарушение визового режима, попытка приватизации мясного отдела».

Алена поднялась домой. Дверь была не заперта. На кухонном столе сидел Чешуйчатый кот. Но выглядел он скверно. Его улыбка больше не сияла самодовольством сытого хищника, она дрожала, как у студента перед экзаменом. Кот был одет в вязаный жилет с надписью «Я люблю дачу» и сжимал в лапах квитанцию за газ.

— Они аннулировали мою визу, — прохрипел он, когда Алена вошла. — Конфисковали девятую жизнь за неуплату кармических налогов. Сказали, я слишком много ел пространства Шляпника, образовалась черная дыра в бюджете кошачьего приюта. Теперь я официально твой питомец. Вот паспорт. Фотография ужасна, фотограф поймал меня между проявлением хвоста и туловища.

— Паспорт есть — уже неплохо, — Алена открыла холодильник. — Жрать чего будешь, налогоплательщик?

— Филе индейки. И валерьянки внутривенно. Меня лишили статуса метафизического наблюдателя. Это хуже кастрации.

— Добро пожаловать в реальный мир, пушистый. Здесь мы платим ипотеку и боимся звонков из военкомата. Будешь помогать мне в работе. Твоя задача — сидеть на людях. Мой профессиональный уровень мизантропии удваивается, когда на коленях клиента лежит тяжелое, линяющее животное.

Их первый совместный выезд состоялся вечером. Вызов поступил из местного Дома культуры. Там репетировал народный хор ветеранов труда. Проблема заключалась в том, что после того, как местный депутат спел им со сцены песню про «поднятие с колен», пенсионеры потеряли способность петь минорные ноты. Их голоса самопроизвольно уходили в мажор такой жизнерадостности, что у слушателей начинали кровоточить уши, а цветы в вазах поворачивались к певцам листьями вниз, совершая акт растительного самоубийства.

Алена вошла в зал. Старушки в кокошниках выводили «Калинку-малинку» с энтузиазмом свидетелей Иеговы. Звуковые волны сбивали штукатурку с потолка. Сидящий у нее на руках Кот начал стремительно таять, оставляя только вибриссы и правое ухо — акустика была прямо по его тонкой душевной организации.

— А ну, отставить эйфорию! — рявкнула Алена, нажимая на кольцо.

Раздался хлопок, похожий на выстрел пробки от шампанского. Хор замер на полуноте. Наступила звенящая тишина.

Старушка-солистка тяжело вздохнула.

— Господи, батюшки, — прошамкала она, глядя на свои руки. — А чего это мы так орем-то? Ноги болят, поясница стреляет, давление двести на сто. Какая «Калинка», Зин? У меня картошка не копана.

— Вот, — удовлетворенно кивнула Алена. — Реализм. Осознание бренности бытия. Можете расходиться, граждане. Искусство должно страдать, а не скакать козлом.

Когда они возвращались домой через парк, пошел дождь. Настоящий, серый, питерский по духу, хотя город находился южнее.

— Скучно, — вдруг сказала Алена, подставляя лицо каплям. — Слишком легко. Люди ломаются быстрее, чем дешевые китайские смартфоны. Где драма? Где шекспировские страсти?

— Закажи доставку, — буркнул Кот из-под ее куртки. — Страстей с доставкой на дом. Только проверь срок годности, а то привезут какую-нибудь греческую трагедию, потом век после унитаза отмываться будешь.

Они подошли к подъезду. На лавочке сидела давешняя Торчилла. Гусеница сбросила зеленый окрас, перекусавшись в строгий деловой серый цвет. Вместо кальяна она курила тонкую электронную сигарету и изучала распечатку биржевых котировок.

— Привет, инсайдер, — хмыкнула Алена. — Как бизнес? Акции грибов растут?

— Рынок волатилен, — протянула Торчилла, выпуская идеальное колечко пара. — Королева передает привет. Говорит, ты слишком мягко работаешь. Просила передать тебе инструмент для особо тяжелых случаев.

Гусеница щелкнула пальцами. Перед Аленой на мокрый асфальт шлепнулась книга. Твердый переплет, название вытеснено золотом: «Полное собрание сочинений твоей совести. Том 1: Ты могла лучше».

— Психотропное оружие массового поражения, — пояснила Торчилла. — Читать вслух своим жертвам. Действует круче хлороформа. Вызывает острое чувство вины даже у памятников.

— Годится, — Алена подобрала книгу. Она приятно холодила руки. — Заходи, чаю выпьем. Правда, чая у меня нет, только «Скучная текила» и остатки рассола. Михалыч-садовник подогнал, говорит, экологически чистый.

— Рассол подойдет, — кивнула гусеница, втягивая свое трехметровое тело в узкий дверной проем подъезда. — Мне нужно снять стресс. Сегодня один человек пытался найти смысл жизни. Еле отбились...

Подъезд встретил их запахом жареных чебуреков и бесконечной лампочкой Ильича, которая моргала в такт биению сердца Вселенной. Или это просто соседи сверху снова практиковали тантрический секс. Продолжение следует, ибо абсурд имеет свойство размножаться делением, особенно в условиях центрального отопления.

Глава пятая, в которой экзистенциальный кризис становится коммунальной услугой, а коты отказываются работать по ТК РФ.

Утро началось не с кофе. Оно началось с повестки из налоговой. Настоящей, земной, пахнущей казармой и мелким шрифтом. В графе «Объект налогообложения» значилось: «Метафизический доход от эксплуатации абсурда (нерегулярный)».

— Докатились, — Алена швырнула бумажку на стол. — Сначала Королева счета присылала, теперь эти подтянулись. Скоро налог на воздух введут, ссылаясь на то, что я потребляю его с излишне циничным выражением лица.

Кот, сидевший на подоконнике в позе копилки, лениво приоткрыл один глаз.

— Плати. Это карма за ту старушку из хора. Ты лишила ее смысла жизни. Теперь она просто копает картошку, это считается самозанятостью без регистрации.

— У нее давление двести на сто, какая самозанятость? Ей нужен покой и валидол. Я оказываю благотворительную медицинскую помощь методом деинфантилизации населения.

— Напиши им это в объяснительной, — фыркнул кот, растворяясь хвостом. — Только добавь побольше канцелярита. Налоговая любит, когда больно и официально.

В дверь позвонили. На пороге стояла Торчилла. Гусеница сменила деловой серый на домашний махровый халат бордового цвета. Из-под халата торчали шесть пар тонких лапок, нервно теребящих пояс.

— У нас потоп смыслов, — трагическим шепотом сообщила она, перешагивая порог. — Сосед сверху, этот невыносимый оптимист Василий со второго этажа, купил себе курс «Пробуди в себе бога».

— И что? Пусть пробуждает, лишь бы взносы за капремонт вовремя скидывал.

— Он проснулся! — взвизгнула Торчилла. — Буквально! Его астральное тело теперь протекает ко мне через розетку! Он сидит у меня на кухне, пьет мой чай и пытается объяснить моему фикусу концепцию безусловной любви! Фикус начал фотосинтезировать в обратную сторону, он сейчас высасывает кислород из комнаты! Мы все задохнемся радостью!

Алена тяжело вздохнула, взяла из прихожей швабру, примотала к ней скотчем книгу «Полное собрание сочинений твоей совести» и направилась наверх. Кот материализовался на ее плече, приняв форму воротника из чистого скепсиса.

Дверь в квартиру Василия была исписана мантрами маркером. Внутри пахло благовониями, перегаром и дешевым успехом. Сам Василий, мужчина лет сорока с пивным животиком и глазами спаниеля, стоял посреди гостиной. Перед ним висел в воздухе полупрозрачный двойник самого Василия, только чуть более сияющий и одетый в тогу.

— Я есть Всё! — вещало астральное тело дрожащим тенором. — Я принимаю потоки изобилия! Вася, бросай работу грузчиком, Вселенная сама даст тебе BMW!

— Она тебе уже дала цирроз печени и долг по микрозаймам, — мрачно заметила Алена, толкая дверь ногой. — Двойка по физике. Плотность твоего эго нарушает закон Архимеда, ты проливаешься сквозь перекрытия.

— О, Просветленная! — двойник повернулся к ней. От него веяло запахом ладана и несварения. — Присоединяйся к потоку! Слейся с Абсолютом!

— Я сливаюсь только в унитаз после корпоратива, — отрезала Алена. — А Абсолют твой сейчас зальет проводку вниз, и баба Зина со своим фикусом устроит тебе короткое замыкание кармы. Заканчивай сеанс.

Она подняла швабру.

— Что это? — испугалось астральное тело, пытаясь просочиться обратно в обои.

— Это инъекция реальности. Читать заставлять не буду, времени нет. Просто смотри в обложку.

Алена открыла «Собрание сочинений твоей совести». Книга загудела низким басом. На глянцевах страницах замелькали титры:

«2012 год. Ты обещал жене бросить пить. Расход маны: -500».

«Прошлая пятница. Ты взял последнюю котлету, зная, что сын придет позже. Репутация с фракцией "Дети": Пренебрежение».

«Секундой ранее. Ты назвал себя богом, сидя в трусах перед холодильником. Штрафные санкции: Прозрение 80-го уровня».

Астральный Василий икнул, пошел крупными пикселями, как старая видеокассета, и с тихим хлопком втянулся обратно в физическое тело хозяина. Василий-мясной осел на пол, схватился за голову и простонал:

— Господи... зачем я съел всю шаурму ларька в одно лицо... Мне же завтра на смену...

— Вот, — удовлетворенно кивнула Алена. — Контакт с реальностью установлен. И шваброй по кумполу для закрепления эффекта. Бытие определяет сознание, Вася. Иди, вытирай лужу своего просветления в коридоре.

Спускаясь вниз, Кот задумчиво почесал ухо задней лапой.

— Знаешь, Алиса-Воронцева, а ведь мы создали опасный прецедент. Если каждый алкоголик начнет платить налоги за свои метафизические выхлопы, бюджет страны закроет дыру за неделю.

— Не наш профиль, — буркнула Алена. — Наш профиль — бить дураков их же собственным прошлым по лицу. Дешево и эффективно.

Вечером состоялся семейный совет. Участвовали: Алена (председатель), Кот (миноритарий, вечно требующий дивидендов едой) и Торчилла (независимый аудитор).

— Нам нужно ИП, — заявила гусеница, разливая «Скучную текилу» по менzurкам. — «Синяя Гусеница Ltd.. Экстерриториальный филиал». Иначе Королева сожрет нас за незаконное предпринимательство в масштабах мультивселенной. Да и Коту нужна трудовая книжка, пенсионный фонд пустеет.

— Кем тебя записать? — спросила Алена, глядя на пушистого нахлебника. — Специалист по утилизации одиночества?

— Запиши меня старшим специалистом отдела контроля мягкости диванов, — мурлыкнул Кот. — И график свободный. И молоко натуральное. И чтобы эта зеленая больше не называла меня «пушистым», это микроагрессия и эйджизм.

— Договорились, — Алена достала бланк договора аренды квартиры самой себе. — Но предупреждаю: испытательный срок три вечности. За прогулы караю чтением вслух коммунальных платежей. Кстати о них. Торчилла, твои светящиеся грибы опять нагнали счет за электричество до небес. Будешь платить долей урожая.

— Это люминесценция! Энергоэффективность! — возмутилась гусеница. — Хорошо, бери два листа своего коры. Только не ешь их на ночь, они вызывают философский понос.

Ночь опустилась на город. Лампочка Ильича в подъезде продолжала моргать, но теперь ей сопровождал хrap Василия со второго этажа, который во сне пытался построить коммунизм в отдельно взятом одеяле.

Алена сидела на балконе. Кольцо-печатка тихо пульсировало на пальце, показывая уведомление:

[ВХОДЯЩИЙ ВЫЗОВ: Уровень маразма > 9000.

Объект: Городская библиотека №3.

Инцидент: Персонажи классических романов массово выходят из книг, потому что читатели перестали дочитывать концовки, оставляя их в состоянии перманентного клиффхэнгера. Родион Раскольников требует отмены статьи 105 УК РФ ввиду тяжелого детства. Наташа Ростова отказывается танцевать вальс, ссылаясь на отсутствие согласия.]

— Работенка по специальности, — усмехнулась Алена, гася окурки. — Кот, подъем. Пойдем спасать русскую литературу от позитивной психологии. Бери мешок для Сани Григорьева из «Двух капитанов», он опять хочет искать свою потерянную любовь, нам такие романтики в отделе не нужны. У нас тут суровый реализм и просроченные квитанции.

Кот тяжело вздохнул, сполз с кресла и поплелся в коридор надевать крошечный поводок, которого у него никогда не было, но который возник там силой хозяйкиного воображения. Абсурд становился рутиной. Рутинa становилась прибыльной. Продолжение следует, пока не кончится лимит по сарказму или терпение Вселенной.

Глава шестая, в которой русская классика отказывается умирать от тоски и требует индексации гонораров.

Библиотека №3 встретила их запахом пыли, формалина и неразделенной любви. В читальном зале царил хаос, достойный кисти Босха после корпоратива.

Прямо над кафедрой висел, зацепившись подтяжками за люстру, Родион Раскольников. Он был бос, небрит и держал в руках распечатку с сайта правовой помощи.

— Старуха была самозанятой! — визжал он тонким тенором. — Она не платила налоги с ростовщичества! Это была социально-экономическая санкция, а не уголовное преступление! Я требую отмены приговора по вновь открывшимся обстоятельствам!

Внизу Соня Мармеладова пыталась раздать библиотечные карточки трем купцам из пьесы Островского, которые пришли жаловаться на плохой Wi-Fi в трактире «На дне».

У окна стоял огромный дуб из романа «Война и мир». Князь Андрей Болконский лежал под ним лицом в линолеум и категорически отказывал небу в сакральности.

— Оно синее, Алена, — глухо бубнил князь в пыльный ворс. — Просто банально синее. Ни тебе экзистенциального ужаса, ни метафизического трепета. Сплошной спектр 305С. Небо хочет мне что-то продать. Наверное, ипотеку на облака.

Сам дуб периодически ронял листья прямо в чашки чопорных старушек, пришедших вязать салфетки, отчего те начинали цитировать Ницше и требовать коньяка.

Из подсобки доносился грохот посуды. Там заседала компания помещиков: Собакевич пытался торговаться с холодильником за температуру хранения пельменей, Манилов строил глазки микроволновке, называя ее «душенькой», а Плюшкин уже успел украсть три дырокола, степлер и чувство собственного достоинства у охранника.

— Полная деконструкция текста, — констатировала Алена, перешагивая через лужу слез Катерины Кабановой, которая топилась в аквариуме с золотыми рыбками. Рыбки смотрели на нее с осуждением профсоюза. — Кот, приступай к протоколированию. Фиксируй нарушение авторских прав реальности.

Кот тяжело вздохнул, выплюнул фиксатор для галстука (который жевал со скуки) и достал из воздуха планшет. На планшете светилось приложение «Журнал учета невыносимой легкости бытия».

Алена подошла к Раскольникову и громко хлопнула в ладоши.

— Подсудимый, отставить демагогию! Люстра казенная, оборвете — вычту из кармы. Слезайте. Ваша проблема решается просто.

Она протянула ему книгу «Полное собрание сочинений твоей совести».

— Открываем главу «Преступление и Наказание: Версия бухгалтерии». Смотри сюда. Убийство процентщицы — минус сто баллов. Но! Попытка Лизаветы зайти в комнату без стука — это провокация, плюс десять. Итого ты все равно в глубоком минусе, Родя. А теперь смотрим санкции: вечность каторги заменяется принудительными работами. Будешь курьером в доставке еды. Твоя зона ответственности — район, где живут самые бедные студенты. Носить будешь только тяжелые кастрюли с борщом этажами выше. Никакой философии, только кардио и больные колени. Марш работать.

Раскольников побледнел, икнул и растворился в воздухе вместе с запахом нестиранного белья и дешевого табака. Из вентиляции тут же потянуло озоном и отчаянием курьерской службы.

С князем Андреем пришлось сложнее. Дуб корнями пророс в паркет второго этажа, заблокировав пожарный выход.

— Ваше сиятельство, — ласково, как психиатр, начала Алена. — Небо вас игнорирует? Прекрасно. Это называется «личные границы». Небо имеет право не хотеть с вами разговаривать. Вы тоже можете перестать смотреть на него снизу вверх. Это нездоровая созависимость.

— Но смысл... — простонал князь.

— Смысл в том, что если ты лежишь в грязи и страдаешь, но никто этого не видит — страданий официально не существует, — отрезала она. — Вставай. У тебя жена молодая, наследство, имение. Езжай домой, считай убытки от крепостных, это бодрит лучше любого дуба. И скажи своему автору, чтобы больше не писал сцен на снегу, сквозит.

Князь Андрей медленно поднялся, посмотрел на свои грязные белые лосины, поморщился и пошел искать выход на парковку, бормоча что-то про необходимость вызвать клининг.

Самым сложным оказался Плюшкин. Он забаррикадировался в отделе периодики и шипел оттуда, обвешанный старыми квитанциями за газ образца 1987 года.

— Не отдам! Мое! Степлер — это память о первой школьной линейке! — клацал он зубами.

— Степан Алексеич, — Торчила выступила вперед, выпустив облачко пара, пахнувшего валерьянкой и аудитом. — Давайте посмотрим на ваш актив объективно. У вас пять тысяч вырезок рецептов засолки огурцов. Вы умеете солить огурцы?

— Нет! — гордо ответил Плюшкин. — Я коллекционер!

— Значит, это пассив. Занимает место, гниет, создает отрицательную энергетику. Продаем. Кому нужен архив чужого быта? Правильно, налоговой. Они такое любят. Отдавайте добровольно, или я начислю вам налог на хранение макулатуры за последние двести лет. Сумма составит вашу душу и левый тапок.

Плюшкин зарыдал, отдал степлер и ушел в закат просить милостыню на восстановление душевного равновесия, попутно пытаясь подобрать брошенный кем-то фантик.

Когда последний призрак классики был депортирован обратно на страницы книг (Манилова пришлось ловить сачком для бабочек, он упорхнул в форточку), библиотекарь вышла из каптерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.